

Елена Кислая, Наталья Чекер, Сергей Титаренко

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО СМЫСЛА В ЛЕКЦИЯХ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

В нашей статье, опубликованной в предыдущем номере «Sententiae»¹, мы указали на важный парадокс. В печатном наследии настойчиво пытавшегося создать целостное мировоззрение Николая Бердяева, несмотря на интерес к проблеме смысла, выраженный в названиях его ключевых работ, таких как «Смысл творчества» и «Смысл истории», исследование смысла жизни не занимает большого объёма, наличествуют лишь отдельные высказывания. При этом сама проблема смысла жизни для Бердяева явно очень важна. Данный факт позволил нам определить особую значимость изучения этой темы в его духовном наследии и продиктовал необходимость обращения к лекционному материалу. В первой статье мы рассмотрели критику всех светских концепций смысла жизни, данную в лекциях Бердяева.

Целью нашей второй статьи является описание и интерпретация религиозного решения проблемы смысла жизни в лекциях философа. Задачи работы – установить логику осмысления Бердяевым рассматриваемой темы и проследить духовную эволюцию философа, связанную с таким осмыслением. До нашего исследования данная проблематика не изучалась.

Рассматривая проблему религиозного смысла жизни, мы, как и ранее, обратились к исследованию лекционного материала Н. Бердяева, сохранённого как в авторских автографах, так и в конспектах лекций, записанных рукой Е. Ю. Рапп. Объёмные курсы лекций «Основы христианства», которые можно ориентировочно датировать 1926–1930 гг. мы классифицируем как первый корпус лекций о смысле. Следующий самостоятельный курс из 12 лекций «Основные проблемы философии как познания смысла жизни», чтение которого началось 29 октября 1935 г. и длилось до марта 1936 г., мы классифицируем как второй корпус лекций о смысле.

Делая выводы из рассмотрения светских концепций смысла жизни, Бердяев устанавливает признаки подлинного смысла, которым не отвечают нерелигиозные подходы. Смысл должен быть вечен, а не временен, абсолютен, а не относителен, должен связывать два мира, духовно питать личность и иметь отношение к её судьбе, быть не отвлечённым, а выступать в качестве целостности, и самое главное, чтобы он мог побеждать смерть и давать жизнь. Бердяев не указывает здесь, но это

© Е. Кислая, Н. Чекер, С. Титаренко, 2013

¹ *Титаренко С., Кислая Е., Чекер Н.* Проблема смысла жизни в философии Николая Бердяева // *Sententiae.* – 2012. – № 2. – С. 163–182.

следует из всех его рассуждений, что существенным признаком смысла должна выступать созвучность со свободой, наполненность ею. Ясно, что таким смыслом не может выступить только человеческий смысл как не может выступить и исключительно Божий, поскольку он бы сковал свободу человека. Поэтому он делает вывод: смысл должен быть богочеловечен. Всем этим критериям отвечает только явление Христа Богочеловека, воплощение Сына Божьего. Это есть прорыв Логоса из мира иного в наш мир, и он задаёт смысл. Определив подлинный источник смысла, Бердяев в разных корпусах лекций развивает свою мысль двумя путями. В первом корпусе, где проблема смысла рассматривается в рамках понимания основ христианства, он обращается к объяснению того, почему этот источник не стал определять жизнь человека. Во втором, где познание смысла рассматривается в кругу основных проблем философии, изложение темы более лаконично, поскольку включает больший круг вопросов общефилософской системы Бердяева.

Обратимся к анализу идей первого корпуса. Философ констатирует, что мир находится в бессмысленном состоянии в результате отпадения человека от Бога и образования затверделого и изолированного от человека природного мира. Бердяев полагает, что первородный грех образовал пропасть между Богом и человеком, но не уничтожил образа и подобия Божьего в человеке, а лишь затемнил и задавил их. В результате появляется ложное восприятие Бога, не позволяющее обратиться к нему как источнику спасения. Религиозный мыслитель развивает концепцию эволюции человеческого понимания Бога, связанную с эволюцией раскрытия Бога миру.

Первоначально возникает страх, ужас человека перед Богом, боязнь божьего гнева и страшной божественной силы. Человек при этом осознаёт Бога как бесчеловечного, а себя как обезбоженного, что проявляется в «ветхом библейском сознании», которому чужда идея богочеловечества. В дальнейшей истории происходит двойственный религиозный процесс очеловечивания Бога и пробуждения божественного в человеке, приводящий к сближению Бога и человека. Бердяев говорит о преодолении зверочеловечества, понимая под этим такое изменение самосознания человека, когда он воспринимает себя не послушной служебной тварью, что соответствует статусу зверя, а свободной личностью. Происходит замена трансцендентного страха совершенной любовью. Это становится возможным из-за явления в мир Бога-Слова, Спасителя и Искупителя – Иисуса. Так, по Бердяеву, именно во Христе религиозный процесс сближения Бога и человека находит своё абсолютное выражение и завершение. В Нём явлена совершенная человеческая природа, покорная смыслу и в совершенстве соединённая с природой божественной. Таков смысл соединения двух миров, который осуществился в Богочеловеке, и благодаря Ему это соединение становится осуществимым в Богочеловечестве. Богочеловечество невозможно при разорванности жизни божественной и человеческой. Религиозный философ утверждает соизмеримость Божественного смысла жизни с личной человеческой жизнью, что и открывает для неё смысл.

Динамика жизни Божества, его внутренняя жизнь раскрывается в том, что во Христе, в Сыне проявляются любовь и жертвенность, а не устрашающая сила – творящая, но не любящая. В более поздних работах Бердяев говорит, что божественное нисхождение вниз (кенозис) должно было осуществиться даже в том случае, если бы человек не согрешил, ведь без этого две природы, божественная и человеческая, не смогли бы вступить в союз. В Богочеловеке раскрыто совершенное безгре-

шное рождение от Девы Святой, рождение Бога в человеке. Безгрешность, по Бердяеву, выражается, прежде всего, в любви к человеческой жизни, основанной на божественном нисхождении и уничтожении, страдании и жертвенной смерти, после чего наступает светлое воскресение, побеждающее смерть. Во Христе явлен смысл во плоти как абсолютная чистота, любовь, жертва, страдание за мир, сила победы над смертью в воскресении. Этот акт просветляет человеческую свободу изнутри, без насилия и унижения её, здесь явлено рождение Нового Адама как путь к новому человечеству.

По Бердяеву смерть и тление, которые порождены природными закономерностями и неотвратимой причинностью, есть главный источник бессмысленной жизни и главное зло, порождающее в свою очередь греховный мир. Основной недостаток всех призрачных смыслов жизни заключается в том, что они не смогли дать ответ на вопросы о победе над смертью и пути к вечной жизни. Такой ответ даёт только христианство. Поэтому христианство есть откровение не только любви и свободы, но и откровение абсолютной силы. Бессильная любовь не давала бы смысла. В духе теософов Бердяев даже заявляет о том, что жертвенная любовь является космической силой.

В целом же можно констатировать, что для философской системы мыслителя краеугольными являются две тайны: тайна воскресения и тайна творчества. Проблеме второй тайны Бердяев решал с момента формирования самобытной философской концепции и до конца жизни. Даже план последней книги, после составления которого он вскоре умер, был планом книги о творчестве. Разве что в корпусе лекций о смысле жизни проблема творчества отодвинута на второй план. Что же до первой тайны, то философ подошел к ней значительно раньше – с момента обращения в христианство. Но её он только едва проговаривал и кратко символически описывал, считая предельной тайной и основывая на ней всю свою систему. Бердяев полагал воскресение Христа чудом, в котором была реализована победа смысла над бессмыслицей и победа божественного над косностью природных сил. Важным, с точки зрения философа свободы, являлось вольное принятие Иисусом распятия и смерти.

Для философа воскресение Христа является абсолютно разумным фактом мирового процесса, вносящим в него смысл. Он пишет: «В Христе Богочеловеке были сосредоточены все благостные, животворящие силы, в Нём сила Бога соединена была с силой человеческой и космической и найден был рычаг, переворачивающий мир» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58. Л. 124].

Человек как ограниченное в возможностях природное существо не может своими силами победить смерть и уничтожить грех и зло, какими бы благими идеями и идеалами он ни руководствовался, какие бы идеальные нормы и ценности он ни провозглашал. Бессильный сугубо человеческий, природный смысл философ условно называет идеальным.

Бердяев указывает на теории, выражающие человеческие смыслы: спиритуалисты развивают отвлечённое учение о бессмертии души и не признают факта смерти, теософия учит о перевоплощении, идеалисты – об идеальных ценностях, буддисты – об избавлении от горя бытия, нирване, не-христианские монотеисты – о далёком и чуждом миру и человеку Боге, пантеисты – о безликом божественном начале, которое в их учениях очень похоже на силы природы. И все эти силы и начала не спасают человеческой личности, не побеждают смерти и не дают вечной жизни.

Только христианство на это способно. Только оно раскрывает тайну соединения Бога и человека, где личность человека не уничтожается и не снимается различие между Богом и творением.

По Бердяеву, в силу того, что во Христе утверждён образ вечной личности, Нового Адама, через Него возрождается новое человечество, приобщённое Воскресению. Именно поэтому в отличие от перечисленных ранее ложных учений христианство учит о торжестве смысла не в отвлечённых ценностях, а в конкретной человеческой жизни, в самом бытии. В лекциях «Основные проблемы философии как познания смысла жизни» философ заявляет: «Осуществление идеальных ценностей самих по себе не давало бы смысла моей жизни. Отвлеченное добро, морализм не дает смысла. Нужно чтобы эта ценность была связана со смыслом как онтологической силой, преображающей всю жизнь» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 69. Л. 16]. В первом корпусе лекций о смысле, обобщая свои размышления о значении христианства, философ говорит, что в нём происходит соединение смысла и истины, идеи и бытия, преодоление разорванности двух миров, Божественного и человеческого – не уничтожающее «смещение», а соединение, дающее преображение и обожение человека и мира.

В дальнейшем раскрытии темы в первом и втором корпусе лекций имеются различия. В первом корпусе, излагая проблему смысла в рамках христианства, от рассмотрения проблемы Богочеловека Бердяев переходит к рассмотрению духовной жизни. Во втором, где проблема поиска смысла рассматривается как ключевая проблема построения философской теории, – философ в одной и той же лекции переходит от проблем Богочеловека и Богочеловечества к проблемам гуманизма и творческого призвания человека². Проблема духовности здесь также рассматривается, но очень кратко. Об этой проблеме духовности мы поговорим позже, сейчас же перейдём к тематике второго корпуса.

Бердяев заявляет, что, оторвавшись от своих христианских истоков, гуманизм пытается утвердить самодостаточность человека. С этих позиций смысл жизни видится в реализации всех возможностей человеческой природы. Далее философ развивается критика гуманизма, аналогичная критике «просвещённого» разума, которую мы рассмотрели в предыдущей статье. Видя недостатки гуманизма в отсутствии высшего критерия, философ утверждает: «Высота человека связана с тем, что есть Бог выше человека, сообщающий ему ценность» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 69. Л. 16]. И вместе с тем русский философ не отрицает гуманизм, а говорит о придании ему интегрального характера, о придании ему духовной составляющей. Он определяет такой гуманизм как духовный гуманизм. И тут он обращается к творчеству, говоря о нём как о божественном призвании человека.

Человеческое творчество должно перейти из состояния творчества новой культуры в состояние творчества новой жизни. Но именно этого и не может, по мнению Бердяева, обосновать нерелигиозный гуманизм. В человеке должен присутствовать духовный элемент, превышающий природный и социальный мир и дающий необходимую энергию творчества. Это возможно только при раскрытии Богочеловеческой природы человека. В творчестве новой жизни сходятся два элемента,

² Это подтверждает высказанную нами идею о связи в философском мышлении Бердяева двух тайн: тайны воскресения и тайны творчества.

элемент духовный, ток которого идёт сверху, и элемент первичной свободы, ток которого – снизу. Смысл жизни заключается, в конечном итоге, в реализации человека, которая двунаправлена: это и свободное восхождение человека к Божественной высоте, и творческое овладение человеческого духа миром. Такой смысл не является смыслом жизни отдельной человеческой индивидуальности, а приобретает вселенский характер.

Возвратимся к рассмотрению проблемы духовности. Бердяев отмечает, что в христианстве нахождение смысла связывается с пробуждением внутреннего духовного человека и духовной жизни. Сам по себе поток душевных переживаний, относящихся к телу или к окружающему миру не даёт смысла. Если Богочеловечество Христа является воплощением смысла, то наполненная смыслом человеческая жизнь может быть только жизнью во Христе, а она определяется философом как жизнь Богочеловека, жизнь, в которой происходит соединение Божества и человечества. Такое возвышение природной человеческой жизни к жизни богочеловеческой возможно именно в духовной жизни. Хотя Бердяев и оговаривает в ряде работ разницу по силе и степени возможности присутствия Божественной природы у Христа и в человеке, он всё же признаёт вместимость природы Божества человеку, её рождение в нём. Поэтому человек становится причастным теогоническому процессу. Так, христоцентризм у Бердяева перерастает в пневмацентризм. Философ говорит, что именно в духовной жизни происходит срастание души с высшей жизнью.

Однако здесь Бердяев сталкивается с проблемой. Христоцентризм предполагает центральность фигуры одного, а пневмацентризм обосновывает множественность независимых духовных субстанций. Бердяев пытается её решить, постулируя необходимость духовно-субординационного подчинения. Без субординационной ориентации духовная изолированность ведёт к падению. Поэтому для религиозного философа только Христос есть путь, истина и жизнь, «Я» не может быть смыслом в мире³.

С этих позиций он критикует эгоцентризм, который ведёт не к желаемой абсолютной свободе, а к порабощению человека у природным и социальным мирами. Эгоцентризм закрывает духовные истоки жизни. В результате реализации эгоцентризма утверждается только биологическая индивидуальность, но не утверждается личность, которая «предполагает» высшее сверхчеловеческое бытие и в своём духе отражает его. Эгоцентризм, не имея духовной силы, уводит человека из царства вечности и ввергает в царство времени. Но эгоцентризму нельзя противопоставлять космоцентризм и социоцентризм, как это делает современная культура, ему можно противополжить только теоцентризм.

Тут Бердяев определяет подлинную духовную жизнь человека как теоцентризм. Однако теоцентризм здесь носит особый характер, он предполагает свободу внутреннего принятия, а это возможно только благодаря жертвенной фигуре Иисуса Христа, приблизившего Бога к человеку. Бердяев говорит: «Но жизнь, ориентированная теоцентрически, возможна только через Христа, через Сына, через Богочеловека, она невозможна при абсолютной трансцендентности Божества, она предпола-

---

³ Необходимо отметить, что в период чтения лекций о смысле жизни Бердяев отказывается от приоритета антропоургического пневмацентризма, подчиняя его христоцентризму. На последнем этапе эволюции его ориентация несколько меняется.

гает сближение между Богом и человеком» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58., Л. 126]. Важной духовной практикой христианства в этой ситуации является смирение, которое подавляет эгоцентризм во имя теоцентризма. В других работах философ говорит о духовной аскетической практике, предуготовляющей человеческий субъект к свободному принятию духовного тока свыше. И в этом смысле собственная духовность человека есть уже ответное устремление. Истинное смирение, с позиций Бердяева, не унижает, а возвышает человека, поскольку в отношении к миру позволяет опереться на более высокую, чем мир и сам человек реальность. Это и означает, по Бердяеву, смирение абсолютным смыслом.

Но для того чтобы преодолеть центробежные силы внутренней плюральности, присущие пневмацентризму, одной борьбы с эгоцентризмом мало. В бердяевской философии это преодоление достигается с помощью любви. Бердяев утверждает, что в любви раскрывается положительная христианская жизнь. Именно в любви осуществляется преодоление распада и вражды мира. А поскольку зло и есть отпадение от источника бытия и распадение частей бытия, то в любви происходит отрицание бытия в грехе и зле. Таким образом, в первом корпусе лекций о смысле жизни тема любви вытесняет с центральных позиций тему творчества в вопросе о нахождении пути преображения мирового бытия. Бердяев видит сущность любви в «узрении лика всякого существа в Боге» и в «положительной благодатной энергии», утверждающей для этого существа вечную жизнь.

В христианстве осуществляется восхождение от любви душевной к любви духовной, любви богочеловеческой. А это возможно только через Иисуса Христа. Именно через Христа происходит стяжание благодатной энергии. По сути дела, любовь это и есть благодатная энергия, просветляющая и преображающая, и она является плодом высшей духовной жизни. Приводя более конкретные примеры такой любви, Бердяев говорит о том, что видами её являются как истинное познание, так и созерцание подлинной красоты. Однако, как мы увидим в дальнейшем, эти примеры лишь частично отражают описываемую любовь, поскольку она носит более целостный и действенный характер.

Философ полагает, что христианская любовь имеет двойственную богочеловеческую направленность и является соединением любви к Богу и любви к человеку. Поэтому он критикует два негативных уклона любви: любовь к Богу без любви к человеку и любовь к человеку без любви к Богу. Первый уклон возникает при вырождении монашеско-аскетической традиции и проявляется в нелюбви к Божьему творению. Это, по Бердяеву, верно схвачено в образе Великого Инквизитора. Второй уклон проявляется в гуманистической любви, выродившейся из любви к ближнему в любовь к дальнему. Отрицание ближнего, живого человеческого лица воплощается здесь в любовь к отвлечённому человечеству.

Эти уклоны возникают потому, что человек с трудом вмещает полноту богочеловеческой истины и живёт отвлечёнными идеями. Человек впадает или в ложную, отвлечённую духовность или в полное отрицание духовности во имя земного человека. Здесь то божественный смысл видят как отрицание самого человека, то смысл человеческий отрицает смысл божественный. Бердяев полагает, что отвлечённый идеализм преодолевается в христианской духовной жизни, где соединение божественного и человеческого осуществляется не в мирозозерцании, а в «миропросветлении» и «миропреображении». Проектируясь на существо самого человека и субъектов мира, духовность здесь не отрицает души и тела, а одухотворяет их,

наполняет смыслом. Так в христианской духовной жизни силой любви преодолевается дуализм двух миров, выявленный ещё Платоном.

Описав проблемы реализации смысла в духовной жизни, Бердяев вновь обращается к жизни нравственной. Философ придаёт своей этике персоналистический смысл. Добро теперь рассматривается им не в нормативном понимании, как он ещё определял – в «законническом», поскольку законничество, как он описывал в лекциях ранее, порождает широко распространённый в культуре ложный смысл жизни. Добро же не отвлечённая и бесплотная идея, а живое существо. Оно проявляется в личности, находящейся в должном отношении к Богу и ближнему.

Мыслитель полагает, что подчинение закону и общим нормам не учитывает тайну конкретной личности. Развивая свою мысль, он говорит, что евангельская мораль не знает отвлечённых норм, поскольку смысл проявляется здесь не как норма, а как благодатная сила. Нравственная задача является неповторимой творческой задачей, а не автоматическим выполнением одинаковой нормы. Благодатная мораль выражается в христианской любви как сила, как энергия. Поэтому Бердяев называет свою мораль энергетической и противопоставляет её нормативной. Эта мораль исходит из безусловного значения величия человеческой души.

Описываемая позиция исходит из самосознания личности как Божьего образа и подобия и свободы как главного условия нравственной жизни. Бердяев говорит, что нравственная задача всегда стоит перед свободой и поэтому свободу нельзя противопоставлять добру. Понятое с этих позиций христианство отвергает мораль самоправедности, законнической чистоты, мораль самоспасения человека. Философ говорит о том, что дела добра не являются путём спасения отдельного человека, но они являются обнаружением благодатной силы, спасающей мир. Поэтому в споре Лютера с католиками о вере и добрых делах Бердяеву ближе позиция основателя протестантизма.

Мыслитель развивает идею динамического характера христианского понимания добра. Свою позицию он аргументирует тем, что в христианстве нет застывших типов злодеев, все люди могут быть и лучше и хуже, чем о них думают, возможны нравственные перевороты в душе человека. Поэтому религиозный мыслитель говорит о том, что и к Иуде, и к разбойникам применима максима «Не судите, да не судимы будете».

С точки зрения персонализма, эта идея обосновывается тем, что суд осуществляется с позиции отвлечённого закона, нормы, а вне суда остаётся неповторимо индивидуальное и раскрывающееся лишь в любви содержание личности. Бердяев говорит о возможности истинного суда лишь в ясновидении, но эпоха ясновидения ещё не наступила, да и никто не может контролировать праведность ясновидящей силы и отрицать возможность чудесного обращения, не по заслугам человека, а по благодатной силе перерождения. Возможно преодоление и забвение прошлого. В христианстве к этому приводит покаяние.

Поэтому в энергетической этике христианства происходит переворот в нравственных оценках, последние с точки зрения закона могут быть первыми по благодати. Основываясь на персоналистическом принципе, философ по-особому понимает библейскую истину, согласно которой оскверняет человека лишь то, что исходит из его сердца (Мф 15:18). Бердяев критикует ложный максимализм в отношении к другим, выводя максиму своей христианской персоналистической этики: «Стро-

гость, максимализм к себе и милость, милосердие к другим, к ближнему» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58. Л. 128].

Русский философ отвергает заблуждение Ницше, выражающееся в оценке христианской морали как рабьей. При этом Ницше считает чувство вины аристократическим чувством, а чувство обиды – рабьим. В действительности христианство основывается на героически подвижническом начале, реализуемом в понимании добра как силы, направленной к победе над нынешним миром, проявляющей себя в движении по линии наибольшего сопротивления. Христианское добро является обнаружением уникально-неповторимой энергии во всём. Нормативная же мораль, проявлявшаяся в историческом христианстве, свидетельствует об иссякании благодатной энергии, поскольку добро является прежде всего не долженствованием, а мощью.

С этих позиций Бердяевым критикуется извращённое понимание христианского идеала смирения как основанного на сознании бессилия человека. Смирение есть проявление победы духовного могущества над самостью и преодоления себя для достижения победы над неподлинным существованием мира. В ложном же христианстве сознание человеческого бессилия и неспособности ни к чему выводится из учения о первородном грехе. Но это сознание бессилия исходит из переживания человека, находящегося вне Бога, человека, существующего в качестве природного существа, не живущего во Христе. Человек же, находящийся в Боге и во Христе, получает доступ к переживанию силы. Для Бердяева центральный смысл христианства заключается именно в приобретении силы во Христе, силы побеждающей и ведущей к воскресению. По Бердяеву, эта сила приходит человеку до второго пришествия Христа и наступающей эпохи воскрешения и присутствует в некоем таинственном акте вступления в сопresутствие Христу, которое достижимо в любой момент времени и зависит от духовно-персоналистических ориентаций и особых усилий человека. Это представление расходится с ортодоксальной христианской позицией.

Бердяев видит проявления силы в таких ориентациях человека, как аскетизм и победа над страстями, несение креста и принятие страданий, любовь. Сюда же он относит и святость. Необходимо указать, что с отходом от позиций антропоургического титанизма роль святости у Бердяева повышается. Теперь философ связывает ее не только с молодостью христианства, где святость проявляется исключительно в творении в самом себе нового, более совершенного бытия, но признает явлением реальной и постоянно осуществляемой силы. Если раньше святость противопоставлялась гениальности как более современному состоянию человеческой духовности, то теперь этого противопоставления нет. За анализом святости идёт рассмотрение пророчества. Последнее определяется как сила прозрения будущего, направленная к улучшению и реформированию жизни.

В целом Бердяев описывает христианское понимание добра как связанное с онтологическим смыслом жизни и интерпретирует этот смысл как Божью силу. Он полагает, что в той мере, в которой она проявляется в жизни человека, она выступает в качестве благодатной энергии. С этих позиций, внесение добра связано не с отрицанием злой и ущербной природы, а с её преображением. Бердяев констатирует: «Христианская нравственная жизнь есть обретение энергии духовной жизни – направленной к преображению жизни» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58. Л. 130].

В тематике последней лекции первого и второго корпуса наличествуют некоторые отличия. В первом корпусе затронута только проблема пессимизма и оптимизма, во втором же – ей предшествует сжатое изложение проблем смерти и бессмертия, земной и вечной жизни. Поскольку второй корпус вносит новацию, начнём с его рассмотрения. Здесь, следуя методу “*de bricole*”, движение мысли философа носит зигзагообразный характер.

Вначале, двигаясь в одном направлении, Бердяев пытается высветить смысл жизни, отталкиваясь от негативного значения смерти. С этих позиций смерть – предельное отрицание смысла и предельное зло. Философ устанавливает, что в мировой и человеческой жизни постоянно происходит борьба жизни и смерти. При этом естественное преодоление смерти рождением не даёт торжества смысла для личности. Этот смысл даёт христианство. В христианстве каждый человек стал бессмертен. Бессмертие связано с духовным началом в человеке.

Затем Бердяев перенаправляет свою мысль в обратную сторону и вскрывает положительный смысл смерти, который состоит в том, что во времени не может быть реализована полнота бытия, необходим выход из потока времени, а это возможно путём прохождения этапа смерти. Он отмечает, что между временем и вечностью лежит сфера смерти. Однако здесь Бердяев вновь поворачивает в противоположную сторону и говорит об ошибочности разрыва земной и вечной жизни. Философ настаивает на том, что «нельзя переносить смысл в потусторонний мир, он должен обнаруживаться в этом мире, в связи с этим миром» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 69. Л. 17]. Правильную позицию нужно искать в некоем среднем состоянии между противоположными полюсами. Она состоит в том, что бессмертие есть прорыв из временного в вечное, трансцензус, выход за грани, а также внедрение вечного во временное, между которыми нет непроходимой границы. Это ставит проблему ценности земной жизни, которую в истории мысли пытались решить с двух противоположных позиций – пессимизма и оптимизма.

Последней темой лекций о смысле жизни является отношение к пессимизму и оптимизму. В более поздней работе «Самопознание» Бердяев откровенно признаёт наличие пессимистического элемента в своей натуре. Сей элемент он заметил у себя ещё в юности в период увлечения Шопенгауэром. Однако в лекциях философ заявляет о равной ложности пессимистического и оптимистического ответов на вопрос о ценности земной жизни. Таким образом, имея психологическую склонность к пессимизму, мыслитель, тем не менее, пытается прийти к позиции, находящейся «по ту сторону» пессимизма и оптимизма.

Бердяев полагает, что и пессимизм и оптимизм утверждают или отрицают ценность жизни в зависимости от даруемого ею счастья или несчастья, наслаждения или страдания, то есть имеют эвдемонистический и гедонистический характер. Как пессимизм, так и оптимизм субъективны, они не выходят к высшим духовным состояниям личности. Объясняя данный тезис, философ говорит, что пессимизм возникает от невозможности вынести страдания, несчастья и горести жизни, а оптимизм, в свою очередь, возникает от удовлетворения, самодовольства, поверхностного отношения к злу и страданиям.

Русский религиозный мыслитель рассматривает два наиболее известных пессимистических учения и выявляет следующее. Пессимизм буддизма возникает как испуг перед страданиями жизни и отказ от претерпевания этих страданий. Пессимизм Шопенгауэра исходит из непомерного преобладания страданий в

жизни и фундируется неутолимой жадой иррациональной воли к жизни. Согласно немецкому философу, в природе мировой воли лежит неутолимое страдание, поэтому результаты всякой попытки его утоления ничтожны в сравнении с бездной неутоленности.

Рассматривая концепцию Бердяева, можно установить, что пессимизм включает в себе элемент истины, относясь к падшему миру и к греховной воле. Но пессимизм буддистов и Шопенгауэра абсолютизирует свои принципы, превращаясь в ложное понимание смысла жизни. Они ищут исход из зла и страдания мирового бытия в небытии, в нирване, в отказе от воли к жизни. С точки зрения Бердяева, этот исход логически невыводим из их учения, у них он произволен. Доведённая до крайности позиция абсолютного пессимизма заключалась бы в том, что творцом и правителем мира является Дьявол, обрекающий весь мир и всё человечество на вечные адские муки алкания, не знающие удовлетворения. К счастью для человечества, до крайностей пессимизма никто не дошёл.

Пессимистические элементы наиболее проявились у гностиков, в особенности у Маркиона и манихеев. Ими обосновывались концепции неразрешимого дуализма двух миров, двубожия, понимание материи как зла.

В реальности пессимизма проявляется вечная трудность разрешения проблемы зла и теодицеи. По Бердяеву, эта проблема решаема только в фигуре Христа, в страдании Бога и тайне свободы. Вместе с тем русский мыслитель отмечает, что у большинства пессимистически настроенных людей их уклон возникает не вследствие осмысления проблем бытийственного характера, а имеет психологические причины, возникающие из замкнутости в себе, в своих субъективных страданиях. В этом состоянии не может быть поставлен вопрос о ценности жизни, так как его постановка требует выхода личности из себя. И вместе с тем, несмотря на предшествующую разоблачительную критику, для Бердяева пессимизм является более предпочтительным мировоззрением, чем оптимизм, поскольку он исходит из недолжного состояния окружающего человека мира, отвергает такое состояние. Оптимизм же характеризуется философом как поверхностная жизнерадостность, самодовольство, нечувствительность к трагизму жизни, к страданию.

Бердяев отмечает, что вера в промысел Божий не есть оптимизм. Оптимистична лишь внерелигиозная теория прогресса, верящая в непрерывное улучшение жизни и грядущее счастье. Оптимизм не может быть последовательным, поскольку зло, несчастье и страдания подстерегают каждого оптимиста. Широко распространённые в современную эпоху оптимистические лозунги о разуме, просвещении, прогрессе, гуманности, успехах науки не спасают от горя бытия.

Оптимизму и пессимизму Бердяев противопоставляет христианство как истинную позицию. Христианство ставит вопрос о ценности жизни вне зависимости от количества счастья и страданий. Религиозный философ устанавливает, что в христианстве есть сильный пессимистический элемент, проявляющийся в переживании «горя бытия» от зла и страданий мира, но он переходит в жажду искупления и избавления. Серьёзное, не поверхностное отношение к жизни предполагает видение зла и принятие страданий. Поэтому нельзя опровергать христианство тем, что земная жизнь полна зла и страданий, поскольку оно предполагает наличие зла и страданий и основано на страстях Сына Божьего. Довольство этим миром и вера в его имманентный смысл носит не только антихристианский, но и антирелигиозный характер, поскольку не предполагает существование другой реальности, кроме

реальности окружающей человека земной жизни. Отвержение Бога и идущего от Него смысла и ценности жизни на основании присутствия зла и страданий означает непонимание и отрицание свободы. Бердяев обосновывает свою позицию, опираясь на концепцию первичной ноуменальной свободы. С его точки зрения, именно процессы в первичной свободе послужили источником появления зла и страданий, но она же является необходимым условием смысла и ценности жизни. Принудительное, автоматическое осуществление добра оказалось бы бессмыслицей и лишило бы человеческую жизнь всякой ценности.

Христианство потому не является ни пессимизмом, ни оптимизмом, что оно основывается на свободе духа, а пессимизм и оптимизм эту самораскрывающуюся свободу не предполагают. Бердяев говорит, что смысл и ценность жизни связаны с тем, что перед свободным духом человека стоит трудная и творческая задача. Она предполагает существование зла и примиряет человека с самим этим фактом. Христианство проявляет бесстрашие перед страданием, чего нет ни в оптимизме, ни в пессимизме.

Философ определяет христианство как трагическое мировоззрение. Здесь явление добра и зла происходит через крест и страдание. Но, в соответствии с позицией христианства, всякий подлинный трагизм заканчивается катарсисом, трагичное страдание очистительно, оно приуготовляет исход. Сравнивая трагедию в античном мире и в христианстве, Бердяев утверждает, что античная трагедия была трагедией рока, христианство же есть трагедия свободы. Именно христианство своим трагическим компонентом освобождает человека от оптимистических иллюзий, от лживых надежд на земное счастье, от веры в бесконечный прогресс, от тех убеждений, которые делают человека беззащитным и слабым. Христианство требует закала духа, связанного с видением зла и принятием причиняемых им страданий, в чём проявляется достоинство свободных людей. Здесь реальное видение зла не перерастает в пессимизм отчаяния. Поэтому христианство делает человека более защищённым. По мнению мыслителя, недовольство миром не ведёт в христианстве к отрицанию Бога.

Бердяев говорит о том, что творческая деятельность человека не зависит от оптимистических или пессимистических результатов и не зависит от количества успехов и неприятностей жизни, учёта человеческого счастья или несчастья. Обосновывая свою позицию, мистический философ формулирует концепцию, в соответствии с которой существование человека протекает в двух измерениях реальности. Одно из них придаёт подлинный смысл человеческой жизни: «Если смысл и добро не могут быть реализованы в мире, который принадлежит князю этого мира, то в божественном миропорядке слово принадлежит смыслу и Богу» [РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58. Л. 132]. Поэтому христианство соединяет исторический пессимизм с эсхатологической верой в окончательное торжество Царства Божьего, где сохранится всё ценное, достигнутое человеческой жизнью.

Подведём итог. Проанализировав оба корпуса лекций о смысле жизни, мы установили, что в первом корпусе Бердяев разрабатывает решение поставленного вопроса в контексте осмысления общехристианской проблематики, а затем, во втором, обобщённо раскрывает найденный результат, включая в целостную философскую концепцию. Во втором корпусе рассмотрению темы творчества придаётся немного большее внимание.

Относительно переклички идей изученных лекций с идейным наследием последующего периода, нами установлено следующее. Лекция об энергетическом смысле персоналистической этики из первого корпуса идейно совпадает, с содержанием некоторых глав книги «О назначении человека» (1931), хотя и менее детализирует данную проблематику, что объяснимо описанным в предыдущей статье составом слушателей философа. А в более поздней работе «О рабстве и свободе человека» (1939)⁴ большинство рассмотренных в лекциях ложных источников смысла жизни уже будут интерпретироваться в качестве источников рабства человека, причём здесь тема более детально проработана с уклоном к нарастанию негативных характеристик. Зато проблема позитивного источника смысла тут почти не обсуждается.

О работе над книгой «О рабстве...» Бердяев говорит жене в субботу 28 марта 1936 г.: «Знаешь, мне не нравится, что я уже пишу новую книгу, и очень для меня важную, не окончив ещё книгу о духе. Эту новую книгу я назову “Персонализм”. Это будет разрушение всех общих ценностей...» [Бердяева, 2002: с. 141]. Так русский философ обозначил свой мировоззренческий поворот к персоналистическому революционизму. В его последующей системе проблема поиска смысла человеческой жизни начинает играть второстепенную роль в сравнении с проблемами выхода в особое мистическое состояние «трансцензуса» личного духа и преодоления мировой данности. Эти мировоззренческие изменения связаны с переходом философа с позиций «теоцентризма» и «христоцентризма» на позиции радикального «пневмацентризма», где Божественный источник жизни и смысла отодвигается на второй план, замещаясь на первом плане поиском личного источника творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. Гвардия, 2002. – 262 с.
- Бердяев Н.А.* «Основы христианства», «Христианство и современность». Конспекты лекций. Крайние даты: 1925-[1939]. Количество листов: 62 л. Способ воспроизведения – автограф. РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 57.
- Бердяев Н.А.* «Основы христианства», «Христианство и современность». Конспекты лекций. Крайние даты: 1925- [1939]. Количество листов: 132 л. Способ воспроизведения – рукопись рукой Е. Ю. Рапп. РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 58.
- Бердяев Н.А.* «Чтения о смысле жизни». Конспект лекций. Отрывки. Крайние даты: 1935-1936. Количество листов: 4 л. Способ воспроизведения – автограф. РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 66.
- Бердяев Н.А.* «Основные проблемы философии как познания смысла жизни», «Типы духовной жизни». Крайние даты: 1935-1936. Количество листов: 22 л. Способ воспроизведения – автограф. РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 68.
- Бердяев Н.А.* «Основные проблемы философии как познания смысла жизни», «Типы духовной жизни». Крайние даты: 1935-1936. Количество листов: 22 л. Способ воспроизведения – рукопись рукой Е. Ю. Рапп. РГАЛИ. Шифр ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 69.

Статья одержана редакцією 15.03.2013

⁴ Замысел данной объёмной книги, первоначально задуманной в качестве небольшой брошюры о персонализме, возник в понедельник 13 января 1936 г., в период подготовки лекции о бессмысленности жизни, зле и страданиях мира.

Elena Kislaya, Natalia Cheker, Sergey Titarenko (Lugansk)

The problem of religious meaning in Nikolai Berdyaev's lectures

The article deals with the problem of the religious sense of human life in Berdyaev's philosophy, not yet studied in the research literature. The topic of sense is considered as arising at a certain stage of Berdyaev's spiritual evolution. The essence of his solution of the problem of sense consists in God-human character of the source of sense. Finding of sense is connected with spiritual awakening of human being. The sense reveals itself as the energy of love. Berdyaev, exposing the insufficiency of extremes of pessimistic and optimistic assessment of life, comes to the position of creative Eschatologism.

Elena Kislaya, Post-graduate student of the Culturology Department, Lugansk Taras Shevchenko National University.

Natalia Cheker, PhD in philosophy, Associate professor of the Philosophy Department, Lugansk National Agrarian University.

Sergey Titarenko, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Professor of the Philosophy Department, Lugansk National Agrarian University.

Олена Кисла, аспірантка кафедри культурології Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка.

Наталія Чекер, кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Луганського національного аграрного університету.

Сергій Титаренко, доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Луганського національного аграрного університету.

Елена Кислая, аспирантка кафедры культурологии Луганского национального университета им. Тараса Шевченко.

Наталья Чекер кандидат философских наук, доцент кафедры философии Луганского национального аграрного университета.

Сергей Титаренко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Луганского национального аграрного университета.
